

О КОМПОЗИТОЛОГИИ: ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ

С. И. НЕДЕЛЯЕВА-СТЕПОНАВИЧЕНЕ

Сложное слово чаще всего изучается в лингвистике и в особенности описывается в грамматических исследованиях как один из видов производного слова, что, разумеется, справедливо. Среди других единиц сложные слова выделяются прежде всего как единицы, обусловленные существованием в языке других единиц, как вторичные языковые знаки. Подобно другим производным, аффиксальным, конверсивам, образованиям по способу обратного словообразования, или же калькам с иноязычного образца, разного рода сокращениям, усечениям, универбам и пр., оно обращено к миру слов в не меньшей степени, чем к миру вещей (интенциональный и экстенциональный аспект семантики по Е. С. Кубряковой) [Кубрякова, 1981, с. 4].

В то же время очевидно, что сложное слово является производным словом особого порядка. Специфика словосложения как способа словообразования (в сочетании с аффиксацией или без нее) и сложного слова как производного состоит в том, что оно всегда мотивировано основами по крайней мере двух самостоятельных знаменательных (полнозначных) слов, выступающих в сложном слове в качестве по крайней мере двух лексических (корневых) морфем¹

Если, как пишет Ю. С. Азарх, в исследованиях по словообразованию „основное внимание уделяется анализу значения производных слов и словообразовательных морфем, продуктивности и регулярности словообразовательных типов и средств, роли суффиксов в морфологическом преобразовании производящих основ“ [Азарх, 1984, с. 7], то у сложного слова одни из указанных свойств просто отсутствуют, другие не образуют специфики проблематики сложного слова.

Словообразовательная проблематика сложного слова по существу оказывается иной, чем в случае аффиксального или какого-либо другого производного слова. В случае сложного слова словообразовательной пары: *производящая основа/производное слово* или *мотивирующее/мотивированное* не образуется. Вместо нее появляется триада: *одна производящая основа — другая производящая основа / производ-*

¹См. об этом, напр.: Степонавичене С. О типологических сходствах и различиях в системе субстантивного словосложения в балтийских, германских и славянских языках // IV Всесоюзная конференция балтистов: Тез. докл. Рига, 1980. С. 67.

ное слово, или: одно мотивирующее — второе мотивирующее / мотивированное. Считать, что источник мотивации всегда выступает как единство, т. е. что сложное слово всегда мотивируется словосочетанием, вряд ли правомерно. Как показала в своих исследованиях Е. С. Кубрякова, прямолинейное сопоставление сложения с определенным синтаксическим комплексом не всегда оправдано [Кубрякова, 1965, с. 63] и сложное слово может в равной степени быть результатом таких процессов, как корреляция и аналогия [Кубрякова, 1981, с. 25–34].

Словообразовательная мотивация сложного слова не удовлетворяет определения словообразовательной мотивации как отношения между двумя словами, имеющими один и тот же корень [Улуханов, 1977, с. 71]. Сложное слово имеет по одному общему корню с каждым из мотивирующих; получается, что у сложного слова должно быть две словообразовательных мотиваций, т. е. оно мотивировано дважды. Но даже если мы это признаем, для выделения сложного слова из ряда производных слов этого явно недостаточно, так как отличие сложного слова от аффиксального явно не количественное, а качественное.

Обычное производное слово в принципе может описываться как в направлении: источник словообразовательной мотивации → результат словообразовательной мотивации, так и обратно. Сложное слово описывается в грамматических исследованиях исключительно на основании результата словообразовательной мотивации, чаще всего по признаку части речи опорного компонента или отношений между компонентами, логических или же семантических. Это понятно: при отсутствии словообразовательной пары вопрос об источнике мотивации неизбежно остается гипотетическим. Если принять точку зрения А. И. Моисеева о том, что „основной вопрос словообразования состоит не в том, когда были образованы слова, а в том, как они были образованы“ [Моисеев, 1974], то на вопрос о том, как именно было образовано то или иное сложное слово, очень часто нельзя дать однозначного ответа даже и тогда, когда сложное слово возникает у нас на глазах. Напр., *шифртелеграмма* или *штамп-часы* трактуются как „сложение слов“ [Новое в русской лексике, 1981, с. 247 и 248], в то время как они с равным основанием могут быть возведены к словосочетанию *шифрованная телеграмма, штампованные часы* или *штампующие часы*. Приводимый контекст, кстати, скорее указывает на последнее. Таких образований масса среди новых слов в русском языке. По свидетельству И. С. Улуханова [1977, с. 44], сложные слова, в особенности когда они выступают совместно с аффиксацией, представляют собой группу слов, очень часто имеющих более одной непосредственной мотивации.

Как следствие указанных особенностей, из-за которых сложное слово не укладывается в жесткие рамки производного слова, слово-сложение как способ словообразования и сложное слово как производное слово в исследованиях словообразовательной системы оказываются оттесненными в дальний угол. Проблематика производного

слова обсуждается фактически на материале аффиксальных образований, многие аспекты, важнейшие в словообразовании, по отношению к сложному слову затрагиваются лишь попутно, как бы только ради полноты картины, при этом считается как бы само собой разумеющимся, что общие закономерности производного слова распространяются и на сложное слово. Иногда оно и вовсе исключается из рассмотрения. В этом отношении показательно, напр., диссертационное исследование В. Н. Хохлачевой, посвященное словообразованию существительного в русском языке XIX в. и носящее подзаголовок „Опыт системного исследования“ [Хохлачева, 1976].

Как известно, вопрос о словообразовательном значении сложного слова продолжает оставаться проблематичным. Данное значение в сложном слове структурно не выражено, его материальный носитель — словообразовательная морфема — отсутствует. Соединительные морфемы, имеющиеся у многих сложных слов, не являются обязательными, морфонологические изменения, сопровождающие образование тех или иных сложных слов, не могут трактоваться как словообразовательная морфема, поскольку те же изменения часто сопутствуют и образованию аффиксальных производных, ср. лит. *senamiestis* и *priemiestis* с одинаковым оформлением сложного и аффиксального производного (изменяется тип окончания опорного компонента *miestas*), рус. *плоскогорье* и *нагорье* или исл. *smámenni* и *yfirmenni* (изменяется огласовка гласного в корне и тип окончания опорного компонента *maðir* и вместе с тем происходит унификация сложного и аффиксального производного по типу словоизменения).

Попытки усматривать словообразовательное значение сложного слова в самом объединении основ-компонентов в одно („соединительное значение“, о котором говорится во многих работах, напр., Азарх [1984, с. 35, 40]), также вряд ли способны разрешить проблему, так как переводят ее в другую плоскость. Выдвигая понятие соединительного словообразовательного значения, исследователи незаметно отходят от выявления лексико-грамматических соотношений основ, мотивирующей и мотивированных [Лопатин, Улуханов, 1966, с. 60] или производящего и производного [Азарх, 1984, с. 29], т. е. того, что признается как словообразовательное значение [Улуханов, с. 11]², переходя на выявление семантических отношений составляющих сложное слово компонентов, т. е. ч а с т е й м о т и в и р о в а н н о г о д р у г к д р у г у. Но именно этот аспект сложного слова изучался почти с момента зарождения лингвистического учения³, задолго до того как словообразование выделилось в отдельную,

²Это должно считаться, как отмечает Е. С. Кубрякова, более плодотворным подходом к словообразовательному значению, чем поиски словообразовательного значения непременно в аффиксе [Кубрякова, 1981, с. 91].

³Первые исследования сложного слова содержатся уже в древнеиндийских грамматиках.

область науки и было сформулировано понятие словообразовательного значения.

Все наши рассуждения до этих пор были предприняты лишь для того, чтобы показать, что сложное слово не является типичной единицей словообразования и что важнейшие понятия словообразования для него в сущности нерелевантны⁴.

Однако словообразование — лишь одна из сфер, где изучается сложное слово и где, как мы пытались показать, оно не вписывается в общую картину производного слова и обнаруживает свою специфику. Не менее, чем в словообразовании, сложное слово изучается с позиций морфологии и синтаксиса. Для этого имеются все основания: сочетать в себе морфологию и синтаксис является, по-видимому, свойством любого сложного слова любого языка, о чем говорил еще В. В. Виноградов: „Словосложение является своеобразным комбинированным типом словообразования, синтаксико-морфологическим... вопрос о соотношении основ, о порядке их сцепления ... выводит этот тип словообразования за рамки правил образования простых производных слов” [Виноградов, 1975, с. 208]. С этой точки зрения бесконечные, взаимообесценивающие (и обескрыливающие) сторонников взаимоисключающих мнений споры относительно сложных аналитических образований в английском⁵ или русском⁶ языке представляются довольно-таки бесплодными и не очень конструктивными в стремлении во что бы то ни стало доказать „или, или” там, где на самом деле есть „и то, и другое”.

Положение сложного слова по отношению к единицам морфологии и синтаксиса должно быть, разумеется, рассмотрено отдельно и при этом детально. Ограничимся пока лишь констатацией того, что, как нам кажется, специфика сложного слова и здесь: столь же основательно игнорируется, и что здесь независимо от метода исследования точно так же, как в словообразовании, акцентируется не то, что составляет специфику, а то, что сближает или разъединяет сложное слово с другими единицами (простым словом или словосочетанием).

Все это убеждает в том, что настоящий момент предшествует появлению новой лингвистической дисциплины, к о м п о з и т о л о г и и, в центре которой должно стать сложное слово, изучаемое как таковое (а не как производное, трансформация, глубинная и поверхностная структура, свернутое словосочетание и др.) с позиций отдельной самостоятельной науки, а не внутри других дисциплин, и что такая наука неизбежно будет создана. Для этого научное знание уже располагает

⁴В монографии О. Д. Мешкова [Мешков, 1986] также доказательно обосновывается необходимость размежевания дериватологии как учения о производном слове (не сложном) и композитологии как учения о сложном слове. Мы считаем такое размежевание не только корректным, то и отвечающим состоянию и потребностям современной науки.

⁵Типа stone wall.

⁶Ср. вопрос об аналитических прилагательных в русском языке.

необходимой практической и теоретической базой. По словосложению в отдельных языках за всю его историю накоплен колоссальный материал, детализация которого в отдельных фрагментах композитной системы достигла высочайшей степени. Появление почти одновременно сразу нескольких фундаментальных работ по теории словосложения, разрабатываемой на материале отдельных языков, свидетельствует о том, что последующий этап – теоретический – становится реальностью [Степанова, Фляйшер, 1984; Павлов, 1985; Мешков, 1986]. Имеются работы, закладывающие основы и общей теории словосложения [Benveniste, 1967; Думбръвяну, 1980; Городецкий, 1984].

Очень важно, чтобы композитная система изучалась не только как таковая, но во всей совокупности, как присущая конкретному языку система, с одной стороны, и как система универсалий, с другой. На практике господствует представление системы словосложения на примере одной модели, которая будто бы характеризует систему в целом, при этом фактически забывается о том, что система словосложения в любом языке чрезвычайно негомогенна и что в ней непременно должны учитываться моменты манифестации словосложения в языке и речевой деятельности. Так, в германских языках (английском, немецком, шведском) при описании словосложения по традиции его репрезентантом выступает модель $N + N$. В то же время близкая функционально и по степени продуктивности модель сложного прилагательного в славянских и балтийских языках, как и модель $N + N$, не привлекает к себе такого внимания вследствие подхода с позиций языковой системы, без учета реального участия сложного слова в речевой деятельности.

Итак, композиты вместе с ближайшими к ним языковыми единицами (назовем их условно „композиитоидами“) должны составить предмет композитологии как специального раздела языкознания. Все аспекты словосложения и сложного слова, как то: взаимоотношения с композиитоидами, семантика сложного слова и компонентов, модели порождения и правила восприятия и расшифровки, место композитов в языковой системе, участие в речевой деятельности, роль в формировании текста и др., должны составить круг задач композитологии как науки о сложном слове.

COMPOSITOLOGY: METHODS AND TASKS

S. NEDELYAYEVA-STEPOŃAVIČIENĖ

Summary

The aim of the present article is to prove the autonomy of compounds and to show the difference between compositology (the linguistic science of compounds) and derivatology (the linguistic science of derivation).

ЛИТЕРАТУРА

- Азарх, 1984 — А зар х Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984.
- Виноградов, 1975 — В и н о г р а д о в В. В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975.
- Городецкий, 1984 — Г о р о д е ц к и й Б. Ю. К теории сложного слова // Слово в грамматике и словаре. М., 1984.
- Дубравляну, 1980 — Д у м б р э в я н у И. М. Очерк по теории словосложения. На материале романских языков. Кишинев, 1980.
- Кубрякова, 1965 — К у б р я к о в а Е. С. Что такое словообразование. М., 1965.
- Кубрякова, 1981 — К у б р я к о в а Е. С. Типы языковых значений: семантика производного слова. М., 1981.
- Лопатин, Улукханов, 1966 — Л о п а т и н В. В., У л у х а н о в И. С. Построение раздела „Словообразование“ // Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М., 1966.
- Мешков, 1986 — М е ш к о в О. Д. Семантические аспекты словосложения английского языка. М., 1986.
- Моисеев, 1974 — М о и с е е в А. И. К теории словообразования (синхрония и диахрония в словообразовании) // Вестн. ЛГУ. 1974. № 8.
- Павлов, 1985 — П а в л о в В. М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. Л., 1985.
- Степанова, Фляйшер, 1984 — С т е п а н о в а М. Д., Ф л я й ш е р В. Теоретические основы словообразования в немецком языке. Раздел „Словосложение“. М., 1984.
- Улукханов, 1977 — У л у х а н о в И. С. Словообразовательная семантика в русском языке. М., 1977.
- Хохлачева, 1976 — Х о х л а ч е в а В. Н. Словообразование существительных в русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1976.
- Benveniste, 1967 — B e n v e n i s t e E. Fondements syntactiques de la composition nominale // Bulletin de la Société de Linguistique. Paris, 1967. T. 62.

Вильнюсский государственный университет
им. В. Капсукаса

Декабрь 1986

Кафедра русского языка